

“Мне припишут множество злодеяний”. Эту фразу Сталин произнес в 1939 году в беседе с Александрой Михайловной Коллонтай. Провидческими оказались его слова: “Многие дела нашей партии и народа будут извращены и ослеплены, прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения... И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано”.

Ровно через 10 лет Сталин перенес тяжелейший инсульт, третий по счету. Сказались нечеловеческие перенапряжения войны. Болезнь привела к временным затруднениям речи и движений. На праздновании своего 70-летия Сталин не смог выступить даже с краткой благодарственной речью в ответ на поздравления.

В октябре 1952 года Сталин, судя по его высказываниям и действиям, уже предчувствовал ско-

ПРЕЗИДИУМ XIX СЪЕЗДА КПСС, «ВЕРНЫЕ СОРАТНИКИ». КАК ОНИ РАСПИНАЛИСЬ В ЛЮБВИ И ПРЕДАННОСТИ ВОЖДЮ!

рый конец. На октябрьском Пленуме ЦК КПСС он попросил освободить его от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета министров СССР.

Ближайшему окружению Сталин не раз говорил, что скоро умрет.

К этому же времени относится полное обновление сталинского аппарата. Он отставил от должностей людей, верю служивших ему десятки лет, — Поскребышева и Власика, а также руководителей личной разведки и контрразведки.

Говорят, что начальник охраны Сталина генерал Власик при аресте (таков был для него способ удаления от вождя) произнес: “Теперь ему конец, он остался один”.

1 марта 1953 года предсказание Власика сбылось.

События того дня помощник коменданта дачи в Волынском Петр Лозгачев описывает так.

“28 февраля на 1 марта на ближней даче дежурили Хрусталеv, Лозгачев, Туков и Бутусова.

Сталин приехал на дачу в Кунцево около 24 часов. Вскоре приехали Л. Берия, Г. Маленков, Н. Хрущев и Н. Булганин. Мы подали на стол только один виноградный сок. Что касается фруктов, то они всегда находились в вазах на столе. В пятом часу утра гости уехали. Прикрепленный полковник Хрусталеv закрыл двери. Хрусталеv сказал, что, якобы, Сталин сказал ему: ложитесь спать все, мне ничего не надо, вы не понадобится. Мы действительно легли спать, чем были очень довольны. Проспали до 10 часов утра.

Что делал Хрусталеv с 5 часов утра до 10 часов утра, мы не знаем.

В 10 часов утра его сменил другой прикрепленный М. Старостин.

Утром все мы взялись каждый за свое дело. Тем временем, произошла суточная смена личной охраны Сталина. Обычно Сталин вставал в 10—11 часов. Я смотрю, уже 12 часов, а движения в комнатах Сталина нет.

Постепенно ближайшие к Сталину люди из охраны стали волноваться и теряться в догадках: почему Сталин не встает, никого к себе не вызывает.

В 16 часов Старостин говорит: “Что будете делать?”

Обычно я входил с корреспонденцией к Сталину, когда замечал, что он уже встал. Сидим в служебном кабинете и думаем: что же делать. Подождали до 6 часов вечера, а движения в комнатах Сталина все нет. Я говорю Старостину: “Иди ты, как начальник охраны”. Старостин отвечает: “Я боюсь, иди ты с пакетами” (в мою обязанность входило приносить Сталину полученную корреспонденцию).

Наконец, в 18 ч. 30 минут в комнате у Сталина появилось электроосвещение. Все с облегчением вздохнули. И все же время шло, а Сталин никого не вызывал.

В 22.30 пришла почта на имя Сталина. Тут я использовал момент. Забрал от нарочного почту и решительным, твердым шагом направился к Сталину. Прошел одну комнату, заглянул в ванную комнату, осмотрел большой зал, но Сталина ни там, ни тут не было. Уже вышел из большого зала в коридор и обратил внимание на открытую дверь в малую столовую, из которой просвечивалась полоска электроосвещения. Заглянул туда и увидел перед собой трагическую картину. Сталин лежал на ковре около стола, как бы облокотившись на руку. Я оцепенел. Покушение, отравление, инсульт?

Быстро подбежал к нему: “Что с вами, товарищ Сталин?” В ответ услышал “дз” и больше ничего. На полу валялись карманные часы 1-го часового завода, газета “Правда”, на столе бутылка минеральной воды и стакан. Я быстро по домофону вызвал Старостина, Тукова и Бутусову. Они прибежали и спросили: “Товарищ Сталин, вас положить на кушетку?”

Как показалось, он кивнул головой. Положили, но она мала. Возникла необходимость перенести его на диван в большой зал. Все четверо понесли товарища Сталина в большой зал. Видно было, что он уже озяб в одной нижней солдатской рубашке. Видимо, он лежал в полусознательном состоянии с 19 часов, постепенно теряя сознание. Сталина положили на диван и укрыли пледом.

Срочно позвонили министру государственной безопасности С. Игнатьеву. Он был не из храбрых и адресовал Старостина к Берии. Позвонил Г. Маленкову и изложил тяжелое состояние Сталина. В ответ Георгий Максимович пробормотал что-то невнятное и положил трубку. Через час позвонил сам Маленков и ответил Старостину: “Берию я не нашел, ищите его сами”.

Старостин бежит и шумит: “Звони, Лозгачев”. А кому звонить, когда уже все знают о болезни Сталина. Еще через час позвонил уже сам Берия: “О болезни товарища Сталина никому не звоните и не говорите”. Так же мигом положил трубку.

Я остался один у постели больного. Обида от беспомощности перехватила горло и душили слезы. А врачей все нет и нет. В 3 часа ночи зашуршала машина у дачи. Я полагал, что это врачи приехали, но с появлением Берии и Маленкова надежда на медицинскую помощь лопнула. Берия, здрав голову, поблескивая пенсне, прогromыхал в зал к Сталину, который по-прежнему лежал под пледом вблизи камина. У Маленкова скрипели новые ботинки. Он их снял в коридоре, взял под мышку и зашел к Сталину. Встали поодаль от больного Сталина, который по роду заболевания захрипел.

Берия: “Что, Лозгачев, наводишь панику и шум? Видишь, товарищ Сталин крепко спит. Нас не тревожь и товарища Сталина не беспокоить”.

Постояли соратники и удалились из зала, хотя я им доказывал, что товарищ Сталин тяжело болен.

¹ Подробно содержание этой беседы изложено в спецвыпуске “Досье” — “Великий и загадочный Сталин”. Спецвыпуск можно заказать, переведя 20 рублей (с учетом стоимости пересылки) по адресу: 105062 Москва, Б. Харитоньевский, 10. Пермикиной Стелане Павловне.

² Входить в комнаты Сталина без вызова категорически воспрещалось.

Тут я понял, что налицо предательство Берии, Маленкова, мечтающих о скорой смерти товарища Сталина.

Снова я остался один у больного Сталина. Каждая минута тянулась не менее часа. Часы пробили 4, 5, 6, 7 утра, а медпомощи и признаков не видно.

Это было ужасно и непонятно: что же происходит с соратниками товарища Сталина?

В 7.30 приехал Н. Хрущев и сказал: “Скоро приедут врачи”. В 9 часов 2 марта прибыли врачи, среди которых были Лукомский, Мясников, Тареев и др. Начали осматривать Сталина. Руки у них тряслись. Пришлось помочь разрезать рубашку на товарище Сталине.

Осмотрели. Установили кровоизлияние в мозг. Приступили к лечению. Ставили пиявки, подавали больному кислород из подушки.

Так больной Сталин больше полусуток пролежал без медицинской помощи”.

В данном свидетельстве названы фамилии тех членов политбюро, которые совершили первое предательство по отношению к Сталину, лишив его в критический момент медицинской помощи.

Это министр госбезопасности СССР Игнатьев, непосредственно отвечавший за здоровье вождя, и группа, сосредоточившая на тот момент в своих руках власть в стране: Маленков, Хрущев, Берия, Булганин.

АКТ ВТОРОЙ

Бесспорным лидером первой пятерки предателей был Берия. Он развил невероятную активность. Первым делом, бросился к архивам. Что он оттуда извлек, не знает никто. Не откладывая ни на час, расставлял всюду своих людей, устраняя тех, кого считал преданными Сталину (видимо, именно в предвидении этого Сталин заблаговременно вывел ближайших помощников из опасности понасть под горячую руку). В Волынском Берия в одночасье сменил охрану и приказал немедленно вывезти из дачи всю обстановку, оставив лишь голые стены.

Похороны несколько умерили его пыл. Берия, видимо, был не готов к тому, что смерть Сталина станет не только всенародным горем для страны, но и событием мирового значения. В соблазнах лидеров крупнейших, далеко не дружественных стран давали ему высочайшие оценки. А лидеры социалистического мира, зарубежного коммунистического движения — тем более. Придя в Колонный зал, где перед гробом шли многотысячные вереницы плачущих людей, Берия прошепел охране: “Кончайте эту комедию!” Но очень скоро понял, что силе не в его силах: народ не удержат. Давка на Трубной площади, где погибли сотни москвичей, еще более драматизировала ситуацию.

Ему казалось, что пробил, наконец, его час. На первую роль Берия претендовать не мог: еще один грузин во главе государства исключался изначально. Он удовлетворился, заняв должность первого зама Предсовмина и взяв в свои руки органы госбезопасности и внутренних дел, от которых был отстранен Сталиным сразу после войны. Это была власть подлинная, ничем не ограниченная. Маленкову достался пост главы правительства, Хрущеву — руководство партийным аппаратом. Договорившись о главном, они совершили тихий государственный переворот.

Последним важным решением Сталина было создание в качестве высшего руководящего органа партии и государства Президиума ЦК КПСС, заменившего собой Политбюро. В Президиум вместе с членами прежнего Политбюро Берией, Булганиным, Ворошиловым, Кагановичем, Маленковым, Микояном, Молотовым, Хрущевым вошло серьезное (и по численности, и по личным данным) молодое поколение. Это были: В.М. Андрианов (первый секретарь Ленинградского обкома, 50 лет), А.Б. Аристов (секретарь ЦК, до того первый секретарь Челябинского обкома, 49 лет), С.Д. Игнатьев (48 лет), Д.С. Коротченко (председатель Совета Министров Украины, 58 лет), В.В. Кузнецов (председатель ВЦСПС, 51 год), О.В. Куусинен (председатель Президиума Верховного Совета Карело-финской ССР, 61 год), В.А. Малышев (министр судостроительной промышленности СССР, 50 лет), Л.Г. Мельников (первый секретарь ЦК Компартии Украины, 46 лет), Н.А. Михайлов (секретарь ЦК КПСС, зав. отделом пропаганды и агитации, 46 лет), М.Г. Первухин (зам. председателя Совета министров СССР, 48 лет), П.К. Пономаренко (секретарь ЦК КПСС, 50 лет), М.З. Сабуров (зам. председателя Совета министров СССР, 52 года), М.А. Сулов (секретарь ЦК КПСС, 50 лет), Д.И. Чесноков (зав. Отделом ЦК КПСС, редактор журнала “Коммунист”, 42 года), Н.М. Шверник (председатель Президиума Верховного Совета СССР, 64 года), М.Ф. Шкирятов (председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, 59 лет).

Кандидатами в члены Президиума были избраны Л.И. Брежнев (секретарь ЦК КПСС, 46 лет), А.Я. Вышинский (министр иностранных дел СССР, 69 лет), Н.Г. Зверев (министр финансов СССР, 52 года), Н.Г. Игнатов (секретарь ЦК КПСС, 51 год), И.Г. Кабанов (председатель Госснаба СССР, 54 года), А.Н. Косыгин (министр легкой промышленности СССР, 48 лет), Н.С. Патоличев (первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, 44 года), Н.М. Пегов (секретарь ЦК КПСС, 47 лет), А.М. Пузанов (председатель Совета министров РСФСР, 46 лет), Н.Ф. Тевосян (зам. председателя Совета министров СССР, 51 год), П.Ф. Юдин (академик, 53 года).

Именно этим людям вверил Сталин будущее страны, на них возлагал надежды. Почему не на своих старых соратников? Он знал их слишком хорошо. Подбирал как надежных исполнителей, которые наверняка выполнят поставленную задачу любыми средствами, любой ценой. Однако ни один из них не имел качеств, необходимых самостоятельному политическому или государственным лидеру первого плана. В вышедшей недавно книге В. Доброва “Убийство со-